

Красноглазый белый голубь влетел в Павильон Весеннего Дождя, суетливо кружа над террасой и не возвращаясь в голубятню. Служанка в красном платье растерянно смотрела вверх, как вдруг заметила фиолетовую тень, стремительно пронесшуюся мимо и ловко поймавшую птицу. Голубь тут же умолк. Тэнъи приземлилась, держа в другой руке тёплый фарфоровый горшочек. Служанка воскликнула:

— Госпожа, вы так искусны в боевых искусствах!

Она спокойно приказала:

— Фако хочет отведать ледяных лотосовых семечек. Скажи кухне, чтобы их хорошо протушили перед подачей.

Вскоре в кабинете Терема Ласточек на столе рядом с двумя записками, исписанными мелким почерком, появился ещё один лист. Гу Сань, держа в руках зеркало, украшенное инкрустацией из цветных нитей, указал на первую записку:

— Князь Шоушань уже стремится заполучить контроль над Управлением Чуйгун.

Тэнъи, помешивая серебряной ложкой миску с порошком лотоса, холодно заметила:

— Князь Шоушань относится к тебе лучше, чем князь Цзинчэн.

Она, беспокоясь о глазах Гу Саня, выхватила у него зеркало. Гу Сань усмехнулся:

— Я выбираю хозяина иначе, чем другие. Лучше ледяной холод, чем тёплое весеннее солнце. Князь Цзинчэн опасается меня, но он всегда держит слово. Князь Шоушань...

Он улыбнулся:

— Он осыпает меня сладкими речами и богатыми дарами, и я отвечаю ему тем же. Вот и всё.

Тэнъи встала рядом с ним и спросила:

— А что насчёт этой записки?

Её красивые глаза поднялись, словно спрашивая о наводнении в Чжэчжоу. Гу Сань ответил:

— Гильдия морской торговли сама хочет взять на себя эту проблему. Покупать зерно в других регионах и распределять его — рискованно. У меня в Чжэчжоу есть несколько зерновых складов, но Гильдия не собирается обменивать золото, а вместо этого предлагает мне имущество в Чжэчжоу в качестве оплаты. Хотя зерно будет поступать из Павильона Весеннего Дождя, я останусь в стороне.

Он слегка вздохнул:

— Вань Хайфэн уже в годах, и в последнее время его решения становятся всё более вялыми.

Это не его стиль, это точно Лэ Юй. Хотя мы были друзьями много лет, я узнаю его руку, даже если он стал врагом.

Он провёл пальцем с нефритовым кольцом по третьей записке, на которой было написано: «Владыка острова Пэнлай впал в безумие, возможно, его путь будет уничтожен».

Тэнъи помогла ему прилечь на кушетку, положив на лоб прохладный платок. Гу Сань на мгновение почувствовал тоску и, придерживая её белую руку, прищурился:

— Он человек страсти, и рано или поздно это его погубит. Я не знаю, в тот день я буду просто наблюдать или стану одним из тех, кто его погубит?

Он устало произнёс:

— Ладно, ладно, ладно. На этот раз я помогу ему, в последний раз окажу ему услугу.

Он поднял руку и легонько коснулся записки:

— Передай, что с Гильдией морской торговли всё в порядке.

В тихой комнате, освещённой тусклым светом свечей, Лэ Юй сидел, скрестив ноги, лицом к стене, неподвижный, как каменная статуя. Меч Цици лежал на его коленях, а от губ до шеи и груди были видны следы чёрной крови. Хотя его тело находилось в этой комнате, его дух парил в облаках, устремляясь обратно на остров Пэнлай.

Инь Усяо рассказывал ему о предках Лэ. Лэ Юй видел их на картинах, но только один предок был изображён со спины. Этот высокий силуэт, стоящий у сосны, словно гора в облаках, камень у сосны, был первым владыкой острова Пэнлай — Лэ Ююань.

Лэ Ююань помогал императору Чжоу править Поднебесной, поэтому его называли «Хоу Цанлан» или «Хоу Лэ». «Сутра Истинного Удовольствия» также была создана им перед смертью. Даже «Записки Пэнлай», которые Лэ Юй обещал показать Вэньжэню Чжаохуа, начались с него. «Записки Пэнлай» вовсе не были дневником, а скорее архивом, где каждый предок Лэ записывал важные события своей жизни. Кто-то оставлял всего семь страниц, а кто-то за три года исписывал целых десять фунтов бумаги.

Лэ Юй находил своих предков удивительными, даже тот, кто оставил только свой силуэт, был интересной личностью. Однако за пределами острова Пэнлай ходили слухи:

— Лэ Ююань не был человеком этого мира. Он не умер триста лет назад, а достиг вершины боевых искусств, постиг тайны небес и вознёсся, прожив более тысячи лет. Он оставил потомкам искусство долголетия, и хотя они не смогли разгадать его секреты, но благодаря «Сутре Истинного Удовольствия» превосходили обычных людей.

Инь Усяо не случайно рассказывал ему о предках. С тех пор, как он покинул остров — даже

раньше, с момента первой тренировки за пределами Пэнлая, когда на него наложили любовный гу, — любовный гу, любовное испытание, избранный Великий гроссмейстер, избранный император — всё это сплелось в одну сложную игру. Остров Пэнлай, Павильон Весеннего Дождя, принцы, принцессы, младшие гроссмейстеры, гроссмейстеры — все они были пешками в этой игре. За что они боролись? Разве не за то, чтобы быть игрушками в руках небес?

«Я должен разрушить эту игру», — подумал он.

На его лбу выступил пот, который всё усиливался, пока не пропитал его одежду. Повязка на груди промокла от пота и крови.

Воспоминания о том, что он читал в архиве «Записок Пэнлай», всплывали перед его глазами. Он крепко закрыл глаза, и слова словно отпечатались на его лице. Его веки дрожали, и он особенно хорошо помнил записи Лэ Ююаня: «Безрассудство приводит к славе, а мудрость — к отступлению. Помни, что даже великие дела Чу и Хань — всего лишь обычные события. Я хочу играть на флейте, лёжа на спине журавля».

Мудрость и отступление действительно могут сделать человека бессмертным?

Истинный смысл «Сутры Истинного Удовольствия» — это мудрость и отступление. Но он не хотел отступать — он хотел двигаться вперёд. Как разрушить игру? Силой. Разве есть что-то, что нельзя разрушить силой? Нужно только овладеть высшей силой.

Лэ Юй сказал:

— Если «Сутра Истинного Удовольствия» мешает мне стать гроссмейстером, я откажусь от неё.

Как только он произнёс эти слова, ци «Сутры Истинного Удовольствия» внутри него остановилось, начало течь в обратную сторону, смешиваясь с ци «Искусства Грызущего Снег», и всё быстрее и быстрее кружилось, пока его тело не начало излучать лёгкий голубоватый свет.

Он внезапно выплюнул кровь, свечи погасли, а меч Цици на его коленях был испачкан кровавым туманом. Однако его энергетические каналы были более свободны и наполнены, чем когда-либо. Он словно прорвался сквозь невидимую стену, и его голова пронзительно болела.

Вокруг него закрутился сильный ветер, и меч Цици на его коленях начал вибрировать, словно отвечая на зов. Острие меча поднималось, и чем сильнее дул ветер, тем громче становился его низкий смех:

— Я стану гроссмейстером. ... Кто, если не я?

Месяц спустя, в Чжэчжоу.

Снаружи лил проливной дождь, а в канцелярии горели десятки свечей, их воск смешивался с вином, и аромат алкоголя опьянял. В зале две группы танцовщиц исполняли танец, их рукава развевались, как лёгкий дым, а лица были покрыты румянцем. Но даже вместе они не могли сравниться с красотой молодого человека в роскошных одеждах, сидящего во главе стола. На его лбу была повязана шёлковая лента, а перед ним стоял нетронутый бокал вина. Остальные чиновники нервничали, но он в эту ночь сиял красотой, которая пугала.

Князь Цзинчэн уезжал завтра, и за двадцать дней он добился значительных успехов. Князь Шоушань сначала завидовал и злился, но потом ему стало не до того. Он много лет тайно расследовал смерть своей матери и наконец узнал страшную тайну. Эта тайна потрясла его до глубины души, и он рыдал от горя.

Чиновники Чжэчжоу боялись князя Цзинчэна. Один из служащих нервно ходил у входа в зал, говоря:

— Почему Цзян Ваньчэнь ещё не пришла?

Среди придворных танцовщиц было две знаменитости: Не Фэйлуань из Сада Гэнье в Цзиньцзине и Цзян Ваньчэнь из Цзянбэй. Обе славились своим танцевальным мастерством. Не Фэйлуань была знаменита уже давно, но в последние три года редко выступала, а Цзян Ваньчэнь была на пике славы, и многие хотели преподнести её князю Цзинчэну.

Прошло ещё немного времени, прежде чем раздался женский голос:

— Простите за опоздание, осмелюсь просить прощения у вашего высочества князя Цзинчэна.

Она подняла голову, и её простые одежды и лёгкие рукава не могли скрыть её красоты. Сяо Шанли спокойно спросил:

— Ты тоже пришла танцевать?

Остальные танцовщицы уже побледнели, но Цзян Ваньчэнь, которая с пятнадцати лет славилась своим мастерством, не растерялась. Она спокойно ответила:

— А что ещё я могу делать, если не танцевать?

Сяо Шанли сказал:

— Если ты будешь танцевать «Танге», то мне это уже надоело.

Она улыбнулась и медленно встала:

— Неудивительно, что ваше высочество устали — что могут показать другие?